

УДК 327

DOI: 10.31857/S032120680003605-9

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ США В ОТНОШЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ

© 2019 г. **Н.Н. Бобкин***

Статья поступила в редакцию 27.09.2018.

В статье анализируются изменения в доктринальных документах, принятых администрацией президента Дональда Трампа и формирующих стратегию Соединённых Штатов в отношении локальных вооружённых конфликтов. Рассмотрены основные решения и действия администрации Д. Трампа в Сирии, оценивается военное участие США в сирийской гражданской войне. По мнению автора, политика администрации Д. Трампа по отношению к безопасности Ближнего Востока остаётся контрпродуктивной. Белый дом не демонстрирует готовности придерживаться более осторожного и менее интервенционистского подхода к разрешению вооружённых конфликтов, сохраняя безответственное отношение к ключевым проблемам региона. Под руководством Д. Трампа Соединённые Штаты резко увеличили свои военные операции в Сирии и Ираке, и не столько для борьбы с ИГИЛ, сколько для достижения более широких стратегических целей. В обеих странах роль США теперь вышла за рамки просто «борьбы с терроризмом». Вашингтон пытается влиять на правительства Багдада и Дамаска в интересах сдерживания Ирана.

Ключевые слова: вооружённые конфликты, стратегия США, Дональд Трамп, Ближний Восток, Сирия, Россия, Иран.

Вступление

Предотвращение вооружённых конфликтов, сохранение мира и восстановление охваченных войной государств остаются одними из самых трудноразрешимых проблем, с которыми сталкивается международное сообщество.

Вооружённые конфликты и их последствия разрушают практически все аспекты общества: правопорядок, права человека, экономику, образование, здравоохранение и окружающую среду. Глобальные экономические издержки отсутствия безопасности, возникающие в результате конфликтов, составляют сотни миллиардов долларов. В то же время предотвращение столкновений, смягчение их последствий и ответные меры представляют собой проблемы глобальные, поскольку нестабильность часто разливается через границы и охватывает сосед-

---

*БОБКИН Николай Николаевич – кандидат военных наук, доцент, старший научный сотрудник Института США и Канады (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3 (nmbobkin@rambler.ru).

ние государства, порождая терроризм, подстёгивая незаконный оборот наркотиков, неконтролируемые поставки вооружений и боеприпасов, влекут за собой гуманитарные катастрофы среди населения воюющих государств.

Реформы ООН улучшили способность международного сообщества отслеживать политические события, планировать и поддерживать операции по поддержанию мира и координировать механизмы, связанные с миротворчеством. Однако во многих случаях международным учреждениям, которым поручено поощрять мир и стабильность, не хватает политического консенсуса и финансовых ресурсов для выполнения своих мандатов. Более того, эти учреждения по-прежнему слишком пассивны и часто игнорируют предотвращение конфликтов как важнейший инструмент управления вооружёнными столкновениями. Большинство миротворческих усилий по-прежнему не имеют достаточного политического обеспечения ООН и зависят от позиции и политики Соединённых Штатов в отношении конкретных вооружённых конфликтов. При этом американское руководство часто не способствует миру и восстановлению в раздираемых войной странах.

Военно-стратегические приоритеты Вашингтона определяются исходя из идеи глобального доминирования. В Белом доме не отказываются от этой цели, независимо от того, какой президент или партия руководят страной. От одной администрации к другой внешняя политика США становилась в последние десятилетия всё более настойчивой, напористой и даже радикальной в стремлении отстаивать своё положение доминирующего субъекта мировой политики. В этом отношении стратегия администрации президента Дональда Трампа, как видно к концу 2018 г., принципиально не отличается от подходов его предшественников в Белом доме, стремившихся сохранить статус США как государства – лидера Запада и мира.

1. Краткий анализ доктринальных документов США, формирующих стратегию в отношении локальных вооружённых конфликтов

Рассматривая военную силу в глобальной стратегии Соединённых Штатов в первую очередь необходимо провести краткий анализ доктринальных документов США, формирующих государственную политику в области военного строительства, применения вооружённых сил и международной военной деятельности.

Принятые администрацией Д. Трампа три ключевые военно-стратегические доктрины Стратегия национальной безопасности (СНБ), Стратегия национальной обороны (СНО) и Обзор ядерной политики (ОЯП) подтвердили его намерения пересмотреть концептуальную базу военно-стратегических установок Соединённых Штатов. Эти документы являются наиболее важными для расшифровки общей стратегии обороны США. Несмотря на то что в этих публичных документах нет всех подробностей, включённых в их классифицированные (секретные) версии, они всё равно позволяют оценить наиболее реальные направления американской стратегии обороны.

В конце 2017 г. в США опубликовали новую Стратегию национальной безопасности, заменив предыдущий вариант документа от 2015 г. в рекордные сроки. Вызвал удивление тот факт, что президент Д. Трамп издал этот документ за

первый год своего пребывания на посту. Президент Б. Обама этого не сделал, и он выпустил только две Стратегии за восемь лет. Отметим, что действующее в США законодательство, предусматривает утверждение президентом Стратегии национальной безопасности ежегодно, как принято в рамках закона Голдуотера – Николса от 1986 года.

Стратегия национальной безопасности (*National Security Strategy, NSS*) – документ, периодически подготавливаемый исполнительной властью Соединённых Штатов для Конгресса. СНБ обрисовывает в общих чертах главные угрозы национальной безопасности США, и определяет, каким образом Белый дом планирует отстаивать национальные интересы страны. Документ содержит наиболее общие направления оборонной политики, излагает принципы и приоритеты в области национальной безопасности США. Традиционно, как и во всех последних Стратегиях национальной безопасности, у документа, принятого администрацией Д. Трампа¹, присутствует установка на глобальное господство, а военное превосходство рассматривается как основа для поддержания влияния США на мировой арене.

Вместе с тем, в экспертной среде США часто отмечают, что эта Стратегия во многом отличается от документов, принятых предшественниками нынешнего президента. В частности, указывается на то, что администрация «откровенно идентифицирует соперников Америки». К ним относят ревизионистские державы, такие как Китай и Россия, государства-изгои, такие как Иран и Северная Корея, и, как упоминается в документе, негосударственные «джихадистские террористы». Несмотря на то что принятая СНБ также опирается на американскую исключительность, она резко контрастирует с содержанием аналогичного документа президента Б. Обамы. К примеру, есть суждение, что предыдущая администрация стремилась преуменьшить исключительность американской истории, ценностей и институтов. Будь то на глобальных форумах, таких как Организация Объединённых Наций или на двусторонних переговорных столах, администрация Обамы проводила политику, основанную на предпосылке, что Соединённые Штаты должны рассматривать себя и вести себя так, как это делает любая другая страна. Это убеждение было столь же серьёзным, сколь и ошибочным. Д. Трамп якобы «исправил такое неправильное мышление» [Vajdich D. P., 2018].

В сравнительном анализе доктрин национальной безопасности президентов Б. Обамы и Д. Трампа нередко указывается, что в документе 2017 г. при определении приоритетных интересов США основное внимание уделяется обеспечению превосходства в конкуренции с Россией и Китаем. Лейтмотивом новой доктрины часто называют стремление «сохранить мир через силу и содействовать

---

¹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 12.09.2018).

восстановлению американского влияния в мире². При этом подчёркивается, что кризис внешней политики, с которым США столкнулись при администрации президента Барака Обамы, вызвал глубокую неуверенность в том, смогут ли США сохранить то, что было их последовательной грандиозной стратегией после окончания холодной войны: первенство [Weaver J.M.,2017].

Как отмечает Энтони Х. Кордесман³, президент Д. Трамп исходил из убеждения, что эти соревнования требуют от Соединённых Штатов пересмотреть политику последних двух десятилетий – политику, основанную на предположении, что взаимодействие с конкурентами и их включение в международные институты и глобальную торговлю превратит последних в доброжелательных участников и надёжных партнёров. По большей части эти предположения оказались ложными. В Стратегии Д. Трампа теперь прямо признано, что Китай и Россия бросают вызов американской власти, влиянию и интересам, пытаются подорвать американскую безопасность и процветание. Эта формулировка не такая, как в документах, изданных прошлыми администрациями, в ней чётко говорится о необходимости активного и всестороннего противодействия Москве и Пекину.

Вместе с тем, когда рассматриваешь подходы администрации Д. Трампа к отдельным регионам, то нельзя не заметить, что практически нет конкретных особенностей даже в плане целей, гораздо меньше планов действий. В разделах «Индо-Тихоокеанский регион», «Европа», «Ближний Восток», «Южная и Центральная Азия», «Западное полушарие» и «Африка» почти ничего не сказано о стратегии. Например, какие стратегические планы заключены в констатации того, что в течение многих лет взаимосвязанные проблемы иранской экспансии, государственного краха, джихадистской идеологии, социально-экономической стагнации и регионального соперничества сотрясали Ближний Восток.

Ближневосточный регион – давний основной источник беспокойства для американского руководства из-за его религиозной и культурной значимости, стратегически ключевого места, огромных запасов нефти, взаимосвязанных и неразрешимых конфликтов, а также сохранения таких угроз, как терроризм и риск распространения ядерного оружия. Ближневосточный регион переживает сдвиги в сфере безопасности, а региональная безопасность на Ближнем Востоке, несомненно, будет изменена в эпоху Д. Трампа. Пока же во многом спонтанная ближневосточная политика и стратегия администрации президента-республиканца приводят к сохранению нестабильности, новым потрясениям и акцентам на силовое решение региональных проблем.

---

² *García Encina C.* The Trump Administration's National Security Strategy // Elcano Royal Institute, Working Paper 14/2018, 13/7/2018. Available at: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/25d788de-9e45-4c6d-acb6-d4e98f89845c/WP14-2018-GarciaEncina-Trump-Administration-National-Security-strategy.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=25d788de-9e45-4c6d-acb6-d4e98f89845c> (accessed: 12.09.2018).

³ *Cordesman A.H.* President Trump's New National Security Strategy.// The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 18.12.2017. Available at: <https://www.csis.org/analysis/president-trumps-new-national-security-strategy> (accessed: 12.09.2018).

В этой ситуации трудно не согласиться с выводом о том, что в принятом документе нет чёткой стратегии для любой из войн, которые ведутся сейчас на Ближнем Востоке и в Южной Азии⁴. США принимают решения на поэтапной основе, руководствуясь ситуационными соображениями. Вашингтон порою одерживает тактические победы без чёткого стратегического влияния или долгосрочного воздействия на региональную стабильность. Белый дом продолжает реагировать лишь на текущие события.

Оценка американской стратегии на Ближнем востоке должна начинаться с откровенного признания провала планов Вашингтона в отношении Ирана. Война против ИГИЛ усилила влияние Тегерана в Ливане, Сирии и Ираке. В Стратегии-2017 признаётся, что Иран воспользовался нестабильностью для расширения своего влияния на Ближнем Востоке через партнёров и доверенных лиц. Так, к примеру, отсутствие у Белого дома чёткого плана по окончанию войны в Ираке сохраняется, Багдад всё в большей степени подпадает под иранское влияние. В Сирии позиции Тегерана, поддерживающего правительство Башара Асада, также остаются определяющими для исхода продолжающейся гражданской войны. В Йемене Саудовской Аравии не удалось сломить сопротивление проиранских вооружённых формирований местной шиитской общины. США и их союзникам в Персидском заливе не удаётся ограничить иранское влияние на развитие ситуации в Ливане.

В **Стратегии национальной обороны** (*National Defense Strategy, NDS*), принятой 19 января 2018 г., Иран также назван главным региональным противником США и признан самым значительным вызовом американским интересам на Ближнем Востоке.

Опубликованный в США несекретный вариант этого документа (*Summary 2018 of the National Defense Strategy*)⁵, представляет собой краткое изложение сути стратегии, подписанное министром обороны. Резюме Дж. Мэттиса не столь прозрачно, как предшествующий документ, принятый администрацией Б. Обамы в 2014 г. (*Quadrennial Defense Review*), и отличается, как отмечают многие эксперты, непривычной для американского истеблишмента откровенностью.

Отметим, что структура документа осталась без изменений. Каждая СНО в соответствии с законом о расходах на оборону *PL 114-328*⁶ (от 23 декабря 2016 г.) включает следующие разделы:

1. Приоритетные миссии Министерства обороны, а также сценарии предполагаемого планирования и построения сил.

---

⁴ Cordesman A.H. America's "Chaos Strategy" in the Middle East and South Asia // The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 26.02.2018. Available at: <https://www.csis.org/analysis/americas-chaos-strategy-middle-east-and-south-asia> (accessed: 12.09.2018).

⁵ Summary 2018 of the National Defense Strategy of The United States of America.// Sharpening the American Military's Competitive Edge, 19.01.2018. Available at: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 12.09.2018).

⁶ Public Law 114-328, 23.12.2016. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. GPO, Wash., 2016.

2. Предполагаемая стратегическая среда, включающая наиболее важные и устойчивые угрозы национальной безопасности Соединённых Штатов и их союзников, созданные государственными или негосударственными субъектами, а также стратегии, которые Министерство обороны будет использовать для противодействия таким угрозам в интересах национальной обороны.

3. Стратегические рамки, предписанные министром обороны, которые определяют, как Министерство обороны будет устанавливать приоритеты среди описанных угроз и при выборе предполагаемых ответных мер.

4. Роли и задачи вооружённых сил для выполнения миссий, указанных в пункте первом, и предполагаемые роли и возможности, предоставляемые другими правительственными учреждениями Соединённых Штатов, а также союзниками и международными партнёрами.

5. Размер и форма силы, положение силы, обороноспособность, сила готовности, инфраструктура, организация, персонал, технологические инновации и другие элементы программы обороны, необходимые для поддержки такой стратегии.

6. Основные инвестиции в оборонные возможности, структуру сил, готовность к использованию вооружений, технологические инновации, которые МО будет осуществлять в течение следующего пятилетнего периода в соответствии со стратегическими рамками, описанными в третьей части.

Многие из угроз и миссий, названных в СНО-2018, аналогичны тем, что были в предыдущих стратегиях обороны. Но приоритеты резко изменились. СНО-2018 определяет, что «межгосударственная стратегическая конкуренция, а не терроризм, в настоящее время является главной проблемой национальной безопасности», а Соединённые Штаты находятся в «долгосрочной стратегической конкуренции» со своими основными противниками – Россией и Китаем.

На это обращает особое внимание, к примеру, Кевин Райан, подчёркивающий, что предыдущие стратегии в сфере обороны рассматривали Китай и Россию как региональные державы и возможные угрозы регионального масштаба, но в стратегии 2018 г. они рассматриваются как глобальные державы, имеющие влияние в мировом масштабе, и как главные противники Америки⁷.

Он также обращает внимание на то, что в стратегическом руководстве Министерства обороны 2012 г. указывалось, что Америка «будет корректировать баланс в пользу Азиатско-Тихоокеанского региона». Но в 2018 г. Стратегия национальной обороны сосредоточена на уравнивании сил в четырёх регионах: «Индо-Тихоокеанский регион, Европа, Ближний Восток и Западное полушарие». Исходя из этого, как определено в СНО-2018, американские вооружённые силы будут увеличены до такой степени, чтобы победить в войне с крупной державой и одновременно сдерживать или вести боевые действия против менее серьёзных противников на других театрах военных действий. «Мы проведём целевое и упорядоченное усиление личного состава и расширение

---

⁷ Ryan K. Making Sense of the U.S. National Defense Strategy.// Carnegie Moscow Center, 5.02.2018. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/75434> (accessed: 12.09.2018).

платформ, что позволит удовлетворить ключевые потребности в части развития военного потенциала», – планируется в СНО-2018.

В ряду задач Министерства обороны США, имеющих прямое или опосредованное отношение к американской стратегии в отношении вооружённых конфликтов, можно выделить сохранение военного преимущества Америки в ключевых регионах, поддержание благоприятных региональных балансов власти в Индо-Тихоокеанском регионе, Европе, на Ближнем Востоке и в Западном полушарии, защиту союзников от военной агрессии, предотвращение внешних террористических операций против Соединённых Штатов.

Для достижения этих целей МО будет работать по трём основным направлениям: строить более «смертоносные силы», укреплять альянсы и привлекать новых партнёров, а также реформировать министерство для повышения эффективности. Из этих направлений «создание более смертоносной силы», по-видимому, является приоритетом для военного ведомства США. Ожидается рост финансирования МО, увеличение численности персонала и первоочередное удовлетворение технологических потребностей в расширении масштабов американской военной мощи.

Отметим, что бюджет США 2018 г. предусматривает увеличение численности сухопутных войск до 483 500 человек, примерно столько же, сколько до начала «войны с террором» в 2001 г. В МО настаивают на дальнейшем увеличении и называют минимум в 566 тыс. человек⁸.

В США признают, что данные Министерства обороны о численности войск в зоне вооружённых конфликтов в Афганистане, Ираке и Сирии противоречат реальным размерам американского военного присутствия в этих странах. Так, согласно данным Центра информации о военном персонале (*Defense Manpower Data Center*)⁹, по состоянию на 30 сентября 2017 г. в этих трёх странах насчитывалось 25910 военнослужащих, работающих в сфере национальной безопасности, национальной охраны или резервных сил США, а по официальным данным МО было на 11000 меньше (14765 человек).

При новой администрации президента США эта тенденция приобретает устойчивый характер. В первый год президентства Д. Трампа численность американских войск в Сирии была увеличена в 4 раза и на сегодняшний день превышает 2000 военнослужащих¹⁰. Есть данные и о присутствии в Сирии более многочисленного воинского контингента – до 4000 американских военнослужа-

---

⁸ Defense manpower requirements report. Fiscal Year 2018 // Office of the Assistant Secretary of Defense for Manpower & Reserve Affairs Total Force Manpower & Resources Directorate, December 2017. Available at: https://prhome.defense.gov/Portals/52/Documents/MRA_Docs/TFM/Reports/Final%20FY18%20DMRR%2011Dec2017.pdf (accessed: 12.09.2018).

⁹ Woody C. There's confusion about U.S. troop levels in the Middle East, and Trump may keep it that way // Business Insider, 28.11.2017. Available at: <https://www.businessinsider.com/how-many-us-troops-are-in-middle-east-confusion-trump-2017-11> (accessed: 12.09.2018).

¹⁰ U.S. already has 2,000 troops in Syria, Pentagon set to reveal It had previously acknowledged 500 were involved in the fight against Isis in the country. // The Independent, 24.11.2017. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/us-troops-syria-2000-troops-pentagon-revealed-announcement-latest-a8075006.html> (accessed: 12.09.2018).

щих¹¹. В любом случае администрация Д. Трампа не придерживается установленного при президенте Б. Обаме предельного уровня военного присутствия (*Force Manning Levels, FML*), ограничивающего число военнослужащих в Сирии (503 человека). США берут на себя более глубокие военные обязательства для прямого участия в вооружённом конфликте в Сирии.

2. Изменение стратегии США в отношении гражданской войны в Сирии

В Сирии после начала протестов против правительства Башара Асада в начале 2011 г. в стране вспыхнула гражданская война. Некоторые противники Б. Асада вооружились для самообороны, а другие сформировали повстанческие бригады с целью захвата контроля над отдельными территориями страны. Продолжающаяся до сих пор война привела более чем к 500 тысячам смертей по состоянию на апрель 2018 года¹². Война была ещё более осложнена террористической группой «Исламское государство» в Ираке и Сирии. В апреле 2013 г. группа джихадистов создала штаб-квартиру в городе Ракка и захватила большую часть страны. Вооружённая борьба между соперничающими группировками раскололась по религиозным, этническим и идеологическим линиям. Более того, гражданская война стала основательно интернационализированной, с участием многих иностранных субъектов, вмешивающихся в конфликт либо напрямую, либо через прокси (уполномоченных). В событиях в Сирии принимают участие Россия, Иран, Турция, США, Израиль, государства Персидского залива, вооружённые формирования ливанской группировки «Хезболла». Сегодня правительство Асада явно находится в лучшем положении, чем вооружённая оппозиция. Сократилась угроза со стороны террористической организации ИГИЛ, однако гражданская война продолжается с высокой боевой интенсивностью.

Справедливо отмечается, что с начала гражданской войны Соединённые Штаты – сначала при президенте Б. Обаме и сейчас с приходом в Белый дом Д. Трампа – пытаются разработать согласованную стратегию, которая уравнила бы интересы США в конфликте с имеющимися ресурсами: военными, финансовыми и дипломатическими¹³. Не вызывает сомнений и то, что сирийская политика Вашингтона формировалась и продолжает определяться исходя из последствий вооружённого вмешательства США в других странах региона, в частности, с учётом результатов контрпродуктивного вторжения в 2003 г. в Ирак. Разработчики стратегии США сталкиваются с рядом трудностей, которые влияют не только на американскую политику в Сирии, но и оказывают воздействие на Ближний Восток в целом.

---

¹¹ 4,000 U.S. troops in Syria? U.S. Army Maj. Gen. James B. Jarrard. // *Military News*, 31.10.2017. Available at: <https://www.militarytimes.com/flashpoints/2017/10/31/4000-us-troops-in-syria/> (accessed: 12.09.2018).

¹² Total Death Count Due To Conflict: 500,000 // *Am Syria.org*, April 2018. Available at: <http://www.iamyria.org/death-tolls.html> (accessed: 12.09.2018).

¹³ Robert Barron.R., Joe Barnes J. Trump Policy in the Middle East: Syria // *Baker Institute*, 03.07.2018. Available at: <https://www.bakerinstitute.org/media/files/files/2883be8c/bi-brief-030718-cme-syria.pdf> (accessed: 12.09.2018).

В подготовленном в августе 2018 г. докладе для Конгресса США названы следующие цели политики США в Сирии¹⁴.

1. Поддержка сирийских усилий, направленных на обеспечение более представительного, подотчётного и эффективного управления страной.
2. Инициация переговоров, поиск урегулирования, которое включает отстранение от власти в Сирии Башара Асада и его сторонников.
3. Ограничение или предотвращение применения военной силы государственными и негосударственными субъектами против гражданского населения.
4. Смягчение транснациональных угроз со стороны сирийских экстремистских группировок.
5. Удовлетворение гуманитарных потребностей сирийцев, перемещённых внутри страны.
6. Предотвращение дестабилизирующего присутствия сирийских беженцев в соседних странах и оказание им помощи.
7. Ограничение негативного воздействия вмешательства третьих сторон, в том числе ограничение их влияния на региональные и международные балансы власти.
8. Реагирование на химическое оружие и предотвращение его применения.

Следует заметить, что эти цели США остаются, однако приоритеты в их достижении меняются по мере изменения ситуации в Сирии. К концу 2018 г. Соединённым Штатам, их сирийским союзникам и региональным партнёрам не удалось заставить президента Б. Асада покинуть пост или обеспечить фундаментальную переориентацию политической системы Сирии в рамках процесса урегулирования путём переговоров в Женеве при лидирующей роли Вашингтона. Не удалось достичь этой цели и военными средствами.

Сегодня активное вмешательство в Сирии России, Ирана, Турции, Соединённых Штатов и Израиля создаёт принципиально иной набор опций для окончательного разрешения сирийского конфликта не в пользу США и их союзников. Противники Б. Асада вынуждены соглашаться с реабилитацией его режима. На фоне снижения транснациональных террористических угроз, исходящих из Сирии, страны Европейского Союза и НАТО, похоже, больше не склонны безоговорочно поддерживать американскую позицию, одобряемую Израилем и Саудовской Аравией, по обязательному отстранению Б. Асада от власти и отставке его правительства.

В этих условиях, как показывают последние действия Америки, в Сирии у Соединённых Штатов нет чёткой стратегии, учитывающей наиболее важные аспекты гражданской войны: распространение терроризма, вооружённое насилие, массовые перемещения людей, иностранное влияние на ход войны и геополитические разногласия вокруг сирийского внутреннего конфликта. Хотя у США много интересов, связанных с войной в Сирии, американское руководство предпочитает их замалчивать, делая акцент на предотвращении террористиче-

---

¹⁴ Humud C.E., Blanchard C.M., Nikitin M-B.D. Armed Conflict in Syria: Overview and U.S. Response // Congressional Research Service, 21.08.2018. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL33487.pdf> (accessed: 12.09.2018).

ской угрозы для США и их союзников. Другой декларируемой целью является стремление обеспечить выполнение правительством Б. Асада международных норм в отношении оружия массового уничтожения, главным образом химического.

Как представляется, приоритетным направлением американской стратегии в Сирии остаётся стремление к минимизации потенциального долгосрочного влияния России и Ирана и недопущение усиления их военно-политических позиций на Ближнем Востоке. Россия и США концептуально далеки друг от друга по Сирии и на Ближнем Востоке, и этот разрыв не может быть полностью перекрыт, не в последнюю очередь из-за геополитической конкуренции. Различное восприятие причин и последствий конфликта глубоко укоренено в мировоззрении двух стран.

На это обращают внимание многие эксперты. Сошлёмся на оценку американского политолога Ричарда Хаасса¹⁵. Комментируя военную акцию против Сирии 14 апреля 2018 г., когда самолёты и корабли США совместно с ВВС Великобритании и Франции нанесли удары по целям на сирийской территории, он отмечает, что эти удары не могут оцениваться в качестве сирийской стратегии Вашингтона¹⁶. По его мнению, эти удары не изменили реальности, при которой судьба Сирии будет решаться Россией и Ираном без американского участия. Ричард Хаасс советует не преувеличивать масштабов достигнутых при Д. Трампе «успехов», о чём писал президент США в своём аккаунте в Твиттере.

Действительно, ракетные удары даже с привлечением европейских союзников не являются стратегией США в Сирии.

По американской версии, которую изложил генерал Джозеф Данфорд, председатель Комитета начальников штабов, удары нанесены по трём целям: научно-исследовательскому центру вблизи Дамаска, хранилищу химического оружия к западу от Хомса, а также командному пункту вблизи Хомса. По его словам, сообщений о потерях в США не поступало, хотя после запуска ракет были получены данные о пусках сирийских ракет класса «земля-воздух»¹⁷.

Атаке на Сирию предшествовало обращение президента Д. Трампа к американцам¹⁸. Объявленная цель этого обращения – желание президента США «поговорить с народом» и объяснить, почему он принял решение об ударах по Си-

---

¹⁵ Ричард Н. Хаасс, президент Совета по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*), занимал пост директора по планированию политики Госдепартамента США (2001–2003 гг.). Был специальным посланником президента Джорджа Буша в Северной Ирландии и координатором будущего Афганистана, автор книги «Мир в беспорядке: американская внешняя политика и кризис старого порядка».

¹⁶ *Richard N. Haass*. Missile Strikes Are Not a Syria Strategy // Project Syndicate, 19.04.2018. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/syria-trump-missile-attack-no-strategy-by-richard-n--haass-2018-04?barrier=accesspaylog> (accessed: 12.09.2018).

¹⁷ Trump says U.S. is striking Syria over its use of chemical weapons // USA TODAY, 13.04.2018. Available at: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2018/04/13/trump-says-u-s-striking-syria-over-its-use-chemical-weapons/502238002/?csp=chromepush> (accessed: 12.09.2018).

¹⁸ President Trump on Syria Strikes // The New York Times, 13.04.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/04/13/world/middleeast/trump-syria-airstrikes-full-transcript.html> (accessed: 12.09.2018).

рии. Короткая речь Трампа полна противоречивых утверждений. В частности, с трудом верится в его заявление о «крепнущей дружбе» США с региональными союзниками в борьбе с терроризмом, но вполне закономерно выглядит его призыв к американским партнёрам «обеспечить, чтобы Иран не получал выгоду от искоренения ИГИЛ». Оказывается, президент США хотел бы как можно скорее вывести американских солдат из этого «проблемного» региона, но ему мешают Россия и Иран.

На деле, президент США попытался представить своим гражданам ложную интерпретацию событий. Глава Белого дома в очередной раз объяснил своё решение применением правительством Сирии химического оружия. Трамп напомнил об «ужасах» применения отравляющих веществ в годы Первой мировой войны, связав это напрямую с нынешней ситуацией в сирийской гражданской войне. По его словам, цель удара по Сирии – «создать сильный сдерживающий фактор в отношении производства, распространения и использования химического оружия».

Ни одного факта применения Дамаском химического оружия Д. Трамп не привёл. На брифинге в МО, проведённом после нанесения ударов, министр обороны Джеймс Мэтгис признал, что для США всё ещё неясно, какой именно состав отравляющих веществ использовался в химической атаке¹⁹. По его словам, президент США распорядился о совместных с Великобританией и Францией ударах по объектам в Сирии в связи с «недавним подозрением на химическое нападение».

Тем не менее, в Конгрессе США Джон Маккейн, председатель сенатского Комитета по вооружённым силам, выступил с заявлением, в котором высоко оценил решение президента Трампа нанести удар по Сирии²⁰. Он призывал президента перейти к стратегии прямого вмешательства в гражданскую войну, чтобы добиться успехов в долгосрочной перспективе. По его мнению, возможно, потребуется перейти от нанесения ударов к войне и на земле, чтобы свергнуть режим Асада и сделать усилия Москвы и Тегерана безуспешными. Следование администрации Д. Трампа этому сценарию не состоялось.

Разочарование от этого испытали не только в американском Конгрессе, но и в Израиле, политики которого не скрывали своего недовольства ограниченным характером вооружённой акции и решением США отказаться от продолжения нанесения ударов по Сирии. Руководство еврейского государства выразило опасения, что Д. Трамп, переоценивая результаты, достигнутые ракетными ударами, и в целом работу, проделанную Америкой в Сирии, может бросить Израиль в одиночестве, оставив евреев один на один с иранцами. Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху поддержал нападение США на Сирию, но рассчи-

---

¹⁹ U.S., Britain and France launch air strikes against Syria // Foundation for Defense of Democracies, 14.04.2018. Available at: <http://www.defenddemocracy.org/media-hit/behnam-ben-taleb-us-britain-and-france-launch-air-strikes-against-syria/> (accessed: 12.09.2018).

²⁰ As it happened: U.S., U.K. and France strike Syria // CNN, 16.04.2018. Available at: <https://edition.cnn.com/politics/live-news/us-trump-syria> (accessed: 12.09.2018).

тывал на совершенно другой сценарий дальнейшего развития событий²¹. Он полагал, что эта операция станет началом совместной борьбы с США за вытеснение России и Ирана из Сирии.

Действительно, после американо-британско-французских ударов положение президента Б. Асада ничуть не ослабло. К тому же следование Д. Трампа ложной версии о применении химического оружия в Восточной Гуте и нежелание принять во внимание возражения Москвы по этому поводу только усилило стремление России к поддержке сирийского правительства. После этой военной акции стало ещё очевиднее, что в основе позиции Белого дома по Сирии при президенте Д. Трампе остаётся стремление «не уступить» это арабское государство России и Ирану. В Белом доме, видимо, по-прежнему считают, что только так можно обеспечить безопасность Израиля и защитить суннитский мир от шиитской экспансии. Однако главной целью здесь является не совсем Иран. США не в меньшей степени пытаются не допустить укрепления позиций России на Ближнем Востоке.

В этом администрация Д. Трампа находит поддержку в Конгрессе. Сенатор Линдси Грэм, член сенатского Комитета по вооружённым силам, призывал накануне нанесения ударов по Сирии 14 апреля 2018 г. уничтожить авиацию Асада, взять под свой наземный контроль безопасные зоны, вернуться к обучению и вооружению сирийской оппозиции и перейти к ведению переговоров в Женеве с позиции силы²².

Именно в Конгрессе не поддержали намерение Д. Трампа вывести американские войска из Сирии. 4 апреля 2018 г. после консультаций с военными чиновниками президент США согласился сохранить войска в Сирии до тех пор, пока полностью не побеждена террористическая группировка ИГИЛ. При этом он выразил уверенность, что операция по нанесению окончательного поражения террористам займет несколько месяцев, а не лет²³.

В этот же день Белый дом опубликовал следующее заявление по Сирии: «Военная миссия по искоренению ИГИЛ в Сирии идёт к концу, и ИГИЛ почти полностью уничтожено. Соединённые Штаты и наши партнёры по-прежнему привержены ликвидации небольшого присутствия ИГИЛ в Сирии, которое наши силы ещё не искоренили. Мы продолжим консультации с нашими союзниками и друзьями относительно будущих планов. Мы ожидаем, что страны региона и

---

²¹ Israel fears Trump may see job as done in Syria, leave Israel alone to face Iran // The Times of Israel, 14.04.2018. Available at: <https://www.timesofisrael.com/israel-fears-trump-may-see-job-as-done-in-syria-leave-israel-alone-to-face-iran/> (accessed: 12.09.2018).

²² Trump sends mixed signals on Syria amid calls for action // The Hill, 08.04.2018. Available at: <http://thehill.com/homenews/sunday-talk-shows/382179-lawmakers-push-trump-for-action-on-syria?userid=7464> (accessed: 12.09.2018).

²³ Trump Tells Military Commanders to Finish ISIS Fight in Syria Quickly // The Wall Street Journal, 4.04.2018. Available at: <https://www.wsj.com/articles/u-s-military-mission-in-syria-coming-to-a-rapid-end-1522856606?mod=djemCapitalJournalDaybreak> (accessed: 12.09.2018).

за его пределами, а также Организация Объединённых Наций будут стремиться к миру. Необходимо добиться того, чтобы ИГИЛ никогда не возродилось»²⁴.

Военная кампания США против ИГ в Сирии практически завершилась. Теперь Вашингтон и его союзники проявляют заинтересованность в отношении использования сирийских курдов в качестве их доверенных лиц. Курдам оказывается военная и дипломатическая поддержка, не исключается в перспективе признание их государственности. Подчеркнём, что в Белом доме, похоже, не совсем адекватно оценили провал подобного своего замысла в соседнем Ираке.

Политика президента Д. Трампа по вопросу взаимодействия в Сирии с вооружёнными формированиями курдов ещё больше осложнила и без того кризисные американо-турецкие отношения. США и их союзники, управляющие курдскими районами на севере Сирии, встретили яростное сопротивление Турции в тех регионах страны, которые они сумели отторгнуть у войск Асада за последние пять лет.

Позиция администрации Д. Трампа в отношении сирийских курдов указывает на противоречивость американской политики. С одной стороны, Белый дом настаивает, что США не стремятся к созданию независимого курдского анклава внутри Сирии, с другой стороны, Америка перешла к их всесторонней поддержке, что работает на усиление сепаратистских устремлений сирийских курдов. Это вызывает серьёзные вопросы и даёт повод сомневаться в готовности США отказаться от раздела Сирии. Администрация Д. Трампа начала создание курдского анклава, не признающего власти центрального правительства²⁵.

Эксперт Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Энтони Кордесман считает по меньшей мере странным использование Вашингтоном Отрядов народной самообороны курдов, поскольку остаётся неясным, как в будущем американское руководство рассчитывает управлять этими вооружёнными формированиями, идеология которых представляет гремучую смесь социализма и социального анархизма [Cordesman A. 2017]. По мнению Э. Кордесмана, сотрудничество с курдами значительно осложняет взаимодействие США с правительством президента Р. Эрдогана, для которого сирийские курды как союзники Рабочей партии Курдистана представляют серьёзную угрозу.

США планируют укреплять свои позиции на Ближнем Востоке и не допускать доминирования государств, враждебных Америке. В их числе при администрации Д. Трампа, пожалуй, на первом месте оказался Иран, для противодействия которому США намерены создавать коалиции по образцу возглавляемых Вашингтоном альянсов для борьбы с терроризмом в Афганистане, Ираке и Сирии. Ссылаясь на поддержку Ираном ливанской партии «Хезболла», палестинской организации ХАМАС и режима Б. Асада в Сирии, а также продолжающиеся испытания и разработку баллистических ракет в Иране, администрация Д.

---

²⁴ Statement by the Press Secretary on Syria. 4.04.2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-press-secretary-syria/> (accessed: 12.09.2018).

²⁵ Aftandilian G. Is There a U.S. Policy Toward the Kurds in Iraq and Syria? // Arab Center Washington DC (ACW), 21.02.2018. Available at: http://arabcenterdc.org/policy_analyses/is-there-a-us-policy-toward-the-kurds-in-iraq-and-syria/ (accessed: 12.09.2018).

Трампа объявила Исламскую Республику Иран (ИРИ) своим главным противником в регионе. Дальнейшая политика США в отношении вооружённого конфликта в Сирии, как представляется, будет во многом определяться степенью эскалации конфронтации в американо-иранских отношениях.

3. Выход США из ядерного соглашения с Ираном ставит Ближний Восток на грань новой войны

Как известно, 8 мая 2018 г. администрация Д. Трампа объявила о выходе из ядерного соглашения с Ираном. В подписанном президентом меморандуме указано, что «в национальных интересах Соединённых Штатов вновь принять санкции, отменённые или приостановленные в связи с подписанием в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) как можно скорее»²⁶.

Трамп обратился к Конгрессу и европейским союзникам с просьбой поддержать его решение и начать процедуру пересмотра СВПД. Президент США предлагает, в частности, внести поправки с целью предоставления инспекторам МАГАТЭ более широкого доступа к иранским военным объектам, включая объекты, связанные с ракетной программой Ирана. Трамп настаивает на том, что без внесения предлагаемых его администрацией изменений в СВПД США вправе выйти из ядерного соглашения в одностороннем порядке.

В американском руководстве позицию президента безоговорочно поддерживает вице-президент Майк Пенс, объяснивший, что США отказываются от соглашения с Ираном, поскольку оно может позволить стране получить ядерное оружие. М. Пенс считает, что сделка «практически гарантировала возможность Ирана начать производство ядерного оружия к 2025 году». Вице-президент предлагает европейским союзникам объединить жёсткую американскую дипломатию и сильное экономическое давление, в том числе и со стороны Европейского Союза, для достижения нового соглашения, учитывающего предложения администрации Трампа.

Советник по национальной безопасности Джон Болтон также оказался на стороне президента. Он подчёркивает, что Д. Трамп дал возможность европейцам исправить СВПД, устранить недостатки, на которые указывал американский президент, но они этого не сделали. Болтон настаивает, что выход из СВПД соответствует интересам безопасности США.

Решение Д. Трампа вывести Америку из ядерной сделки с Ираном указывает на ограниченное влияние на президента США министра обороны Дж. Мэттиса. Нет сомнений в том, что глава МО, который нередко сдерживал худшие внешнеполитические импульсы Д. Трампа, на этот раз проиграл. Вероятно, это было неизбежно. У Дж. Мэттиса не было поддержки бывшего государственного секретаря Рекса Тиллерсона и бывшего советника по национальной безопасности Герберта Макмастера. В 2018 г. Трамп заменил их на Помпео и Болтона, кото-

---

²⁶ Ceasing U.S. Participation in the JCPOA and Taking Additional Action to Counter Iran's Malign Influence and Deny Iran All Paths to a Nuclear Weapon // Presidential Memoranda, 8.05.2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/ceasing-u-s-participation-jcpoa-taking-additional-action-counter-irans-malign-influence-deny-iran-paths-nuclear-weapon/> (accessed: 12.09.2018).

рым удалось изолировать министра обороны на одном из важнейших направлений внешней политики США.

В Конгрессе решение Трампа о выходе из СВПД вызвало неоднозначную реакцию. Как ожидалось, против этого шага Белого дома выступила большая часть законодателей из Демократической партии. Боб Менендес, ведущий демократ в сенатском Комитете по международным отношениям выразил мнение, что этим решением президент Трамп подрывает национальную безопасность США, безрассудно ослабляя основополагающие партнёрские отношения с ключевыми союзниками США в Европе²⁷. К тому же, как полагает он, выход из СВПД делает более вероятным возобновление Ираном в будущем своей ядерной программы.

Республиканцы, имеющие большинство в обеих палатах Конгресса, за редким исключением решение Д. Трампа поддержали. Спикер Палаты представителей Пол Райан назвал этот шаг президента «сильным», а его намерения возобновить санкции против Ирана – единственно верными для принуждения Тегерана к отказу от его деструктивной политики в регионе²⁸. Член Сената Линдси Грэм, считающийся представителем более умеренной части Республиканской партии и не всегда одобрявший действия Трампа, также поддержал выход США из СВПД. По его оценке, «соглашение всегда было смертельно ошибочным». Грэм также одобряет возобновление санкций против Ирана. Он полагает, что Тегеран использовал средства, полученные после отмены санкций, для значительного повышения своего военного потенциала и создания хаоса на всём Ближнем Востоке²⁹.

Бывший президент Б. Обама и другие высокопоставленные чиновники его администрации выразили глубокие разочарования и обеспокоенность тем, что решение Д. Трампа не только наносит ущерб отношениям с союзниками США в Европе, которые боролись за сохранение сделки, но и потенциально может привести к очередной войне на Ближнем Востоке³⁰. Требования Д. Трампа дополнить СВПД условиями, не имеющими прямого отношения к ядерному соглашению, Обама назвал «непрофессиональными». Он прямо указал своему преемнику на посту президента США, что соглашение «никогда не предназначалось для решения всех наших (американских. – Н.Б.) проблем с Ираном». Обама заключил, что решение Трампа выйти из сделки является «опасным выбором», который может привести к войне, получению иранцами ядерного оружия, и гонке вооружений на Ближнем Востоке.

---

²⁷ Dems hammer Trump over withdrawal from Iran deal // The Hill, 8.05.2018. Available at: http://thehill.com/homenews/senate/386767-dems-hammer-trump-over-withdrawal-from-iran-deal?utm_source=&utm_medium=email&utm_campaign=15530 (accessed: 12.09.2018).

²⁸ Speaker Ryan Statement on Iran.// Speaker Ryan Press Office, 8.05.2018. Available at: <https://www.speaker.gov/press-release/statement-iran-0> (accessed: 12.09.2018).

²⁹ Graham Statement On President Trump's Decision To Withdraw From The Iran Deal // Senate Committee on the Judiciary, Subcommittee on Crime and Terrorism, 08.05.2018. Available at: <https://www.lgraham.senate.gov/public/index.cfm/press-releases?ID=3127BF7A-4045-4BB4-85E9-D92146C2B1BB> (accessed: 12.09.2018).

³⁰ Obama: Withdrawing from Iran nuclear deal 'is a serious mistake // The Politico, 8.05.2018. Available at: <https://www.politico.com/story/2018/05/08/obama-iran-nuclear-deal-trump-574610> (accessed: 12.09.2018).

Выход Вашингтона из СВПД справедливо оценивается как шаг, ставящий мир на грань военной конфронтации. К тому же решение Д. Трампа изолировало его администрацию от европейских союзников.

Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй, канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Эммануэль Макрон выступили против пересмотра СВПД. В совместном заявлении³¹ лидеры трёх европейских стран, подписавших СВПД, объявили о своей общей позиции, основанной на следующих положениях:

- сохранение неизменной приверженности СВПД и обязанностям в соответствии с решениями Совета Безопасности, закреплёнными в резолюции 2231, одобряющей ядерное соглашение с Ираном;
- эта резолюция ООН остаётся обязательной международно-правовой основой для разрешения спора об иранской ядерной программе. Франция, Германия и Великобритания настоятельно призывают все стороны оставаться приверженными полному её осуществлению и действовать в рамках, определённых Советом Безопасности;
- Иран, согласно докладам МАГАТЭ, продолжает соблюдать ограничения, установленные СВПД в соответствии с его обязательствами по Договору о нераспространении ядерного оружия;
- договорённости об отмене санкций остаются в силе, Иран должен продолжать получать льготы по санкциям, на которые он имеет право;
- СВПД представляет собой документ, не подлежащий внесению дополнений и изменений, он должен оставаться «нетронутым»;
- США должны сделать всё возможное, чтобы сохранить выгоды от сделки с Ираном для ядерного нераспространения путём обеспечения постоянного соблюдения его основных элементов;
- Иран призывается к сдержанности в ответе на решение США, Тегеран должен продолжать выполнять свои собственные обязательства по сделке, полностью и своевременно сотрудничая с инспекционными требованиями МАГАТЭ;
- ядерная программа Ирана всегда должна оставаться мирной и гражданской. Принимая СВПД в качестве основы, необходимо определить долгосрочную структуру ядерной программы Ирана по истечении некоторых положений СВПД после 2025 года;
- общие проблемы, связанные с иранской программой баллистических ракет и региональной деятельностью Ирана, особенно в Сирии, Ираке и Йемене, должны решаться в переговорах с ключевыми партнёрами и заинтересованными государствами региона вне контекста СВПД.

Несогласие европейцев с решением США о выходе из СВПД было подтверждено на саммите ЕС – Западные Балканы, состоявшемся 17 мая 2018 г. в Со-

---

³¹ Iran nuclear deal: EU, France, Germany, UK and Iran meet to discuss way forward // An official website of the European Union, 16.05.2018. Available at: https://eeas.europa.eu/regions/north-america/44663/iran-nuclear-deal-eu-france-germany-uk-and-iran-meet-discuss-way-forward_en (accessed: 12.09.2018).

фии³². Председатель Европейского совета Дональд Туск, подводя итоги этой встречи, подтвердил, что ЕС останется в ядерном соглашении с Ираном до тех пор, пока Тегеран полностью привержен соблюдению СВПД. Он особо отметил то, что ЕС будет действовать подобным образом, когда политика США затрагивает интересы Европы. В данном случае речь идёт, прежде всего, о защите европейского экономического суверенитета.

Лидеры Евросоюза договорились совместно противостоять действиям США, связанными с выходом из ядерной сделки с Ираном. Как заявила канцлер ФРГ Ангела Меркель на саммите, все в ЕС разделяют мнение о том, что соглашение по Ирану – документ несовершенный, но страны-подписанты должны оставаться в этом соглашении, и им следует «продолжать переговоры с Ираном на основании этого соглашения».

Европейская комиссия решила начать с 18 мая 2018 г. процесс применения закона, который запрещает европейским компаниям соблюдать санкции США против Ирана и не признаёт каких-либо судебных решений, которые обеспечивают соблюдение американских санкций. Глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер объявил о запуске применения «блокирующего закона» от 1996 г., когда администрация президента США У. Клинтона уступила Европе и отказалась от санкций, направленных на ограничение иностранных инвестиций в Иран, Ливию и Кубу.

Для Европы важен и геополитический аспект успешного дипломатического решения иранской ядерной проблемы. Европейцы сыграли важную роль в подписании СВПД наряду с другими крупными глобальными державами, включая США, Россию и Китай. Сделка была достигнута благодаря консенсусу среди всех вовлечённых сторон, и в результате она подняла международный авторитет Европы. Выходом из СВПД и прямым давлением на Европу с целью получения поддержки своего решения США явно демонстрируют недооценку роли ЕС в мировой политике.

Сохранить ядерное соглашение с Ираном важно для европейцев и с точки зрения безопасности. Различие подходов между Европой и США в отношении СВПД связано с их разным пониманием безопасности в Западной Азии. В стратегическом видении нынешней администрации американского президента нестабильность на Ближнем Востоке сохраняется, когда гегемонистская власть США оспаривается другой властью в регионе, в данном случае Ираном. С точки зрения европейцев, нестабильность означает войну, гуманитарные кризисы и массовые потоки вынужденных беженцев из стран, охваченных вооружёнными конфликтами.

Европа вряд ли наложит свои санкции на Иран сейчас, но если вторичные санкции со стороны США будут выполняться, то европейские фирмы, вероятнее всего, перестанут вести дела с Тегераном. В этом случае у Ирана не останется стимулов для соблюдения СВПД. Ядерное соглашение с Тегераном может быть

---

³² EU-Western Balkans Summit Shows Commitment to Iran Nuclear Deal // The Carnegie Europe Program in Washington, 17.05.2018. Available at: <https://carnegieendowment.org/2018/05/17/eu-western-balkans-summit-shows-commitment-to-iran-nuclear-deal-pub-76410> (accessed: 12.09.2018).

отменено. Даже если этого не произойдёт, то решение Трампа создало слишком большую неопределённость в сохранении СВПД в долгосрочной перспективе.

Заключение

Политика администрации Д. Трампа по отношению к безопасности Ближнего Востока справедливо оценивается как контрпродуктивная даже в рамках традиционного понимания национальных интересов США, базирующихся на стремлении сохранить американское доминирование в регионе. Его администрация не демонстрирует готовности придерживаться более осторожный и менее интервенционистский подход к разрешению вооружённых конфликтов, сохраняя безответственный подход к ключевым проблемам региона.

Под руководством Д. Трампа Соединённые Штаты резко увеличили свои военные операции в Сирии и Ираке и не столько для борьбы с ИГИЛ, сколько для достижения более широких стратегических целей.

Основная причина увеличения военного присутствия США, несмотря на выполнение значительной части их первоначальных стратегических целей, представляется частью усилий по противодействию Ирану. Эта политика США проблематична как в Сирии, так и в Ираке, учитывая их тесные связи с Тегераном. В обеих странах роль США теперь вышла за рамки просто «борьбы с терроризмом». Вашингтон пытается влиять на Багдад и Дамаск в отношении их дружественных отношений с Ираном, в том числе и путём расширения своего военного присутствия.

Военное вмешательство России в 2015 г. по просьбе правительства Б. Асада создало немало военных, оперативных и технических проблем для сил США, действующих в Сирии. 16 июля 2018 г. президенты США и России провели саммит в Хельсинки, который они охарактеризовали как первый шаг к улучшению двусторонних отношений. Сирия входила в число обсуждаемых тем, однако признаков готовности США к конструктивному диалогу с Россией о сотрудничестве в Сирии пока нет.

Список литературы

Vajdich D.P. 2018. Trump Should Abide by His Own National Security Strategy // Foreign Policy, January 24. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/01/24/trump-should-abide-by-his-own-national-security-strategy/> (accessed: 12.09.2018).

John M. Weaver J.M. 2017. The 2017 National Security Strategy of the United States // Journal of Strategic Security, Volume 11, Number 1, Article 5, pp. 62-71. Available at: <http://scholarcommons.usf.edu/jss/vol11/iss1/5> (accessed: 12.09.2018).

Cordesman A.H. 2017. Stability Operations in Syria. The Need for a Revolution in Civil-Military Affairs // Army University Press, Military Review, March. Available at: <http://www.armyupress.army.mil/Portals/7/military-review/Archives/English/Online-Exclusive/stability-operations-in-syria-by-anthony-cordesman.pdf> (accessed: 12.09.2018).

Conceptual Changes in the U.S. Military Strategy towards Local Armed Conflicts

(USA & Canada Journal, 2019, no. 1, p. 44-62)

Received 27.09.2018.

BOBKIN Nikolay Nikolaevich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation. (nmbobkin@rambler.ru)

The article analyzes changes in the doctrinal documents adopted by the Donald Trump administration, which formulate the strategy of the United States in relation to local armed conflicts. The main decisions and actions of the administration in Syria are considered, the U.S. military participation in the Syrian civil war is estimated. According to the author, the policy of the U.S. administration in relation to the security of the Middle East remains counterproductive. The White House does not show willingness to adhere to a more cautious and less interventionist approach to resolving armed conflicts, while remaining irresponsible in addressing key issues in the region. Under the leadership of D. Trump, the United States has drastically increased its military operations in Syria and Iraq, and not so much to combat IGIL, but also to achieve broader strategic goals. In both countries, the role of the United States has now gone beyond simply "fighting terrorism." Washington is trying to influence the governments of Baghdad and Damascus in the interests of deterring Iran.

Keywords: *armed conflicts, US strategy, Donald Trump, Middle East, Syria, Russia, Iran.*

About the author:

BOBKIN Nikolay Nikolaevich, Candidate of Sciences (Military) Associate Professor, Senior Researcher.